

неннымъ и страдающимъ всего міра. Здѣсь не простое дѣло милосердія и жалости, но откровеніе того вселенскаго единенія людей, о которомъ я уже приводилъ цитату писателя. «Придите ко мнѣ, всѣ трудящіеся и обремененные, и я успокою васъ. Возьмите иго мое на себя и научитесь отъ меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ. Иго мое—благо и бремя мое легко».

Въ любви выявляется божественное начало, въ человѣкѣ выявляется самъ Богъ. Инстинктъ единенія людей въ любви есть внутреннее влечение къ завершенію человѣческой жизни высшимъ проявленіемъ въ Духѣ-Любви. Ибо человѣкъ не самъ по себѣ, но какъ орудіе Бога. «Человѣкъ не есть самобытное, себя удовлетворяющее существо, а есть посланикъ Бога; человѣку служить себѣ нельзя, онъ служить высшему. Потерявшій свою жизнь—спасетъ ее».

Но въ то же время Толстой, дѣлая прямые выводы отсюда, отрицаетъ за человѣкомъ лишь пассивную, слѣпо-исполнительную роль работника. Онъ—орудіе Бога, но выполняя Его волю, онъ дѣйствуетъ по свободному влечению своей души. Онъ можетъ идти и наперекоръ высшей волѣ, утверждая волю нс духовную, а низменную, конечно волю, удовлетворяющую инстинкты тѣла. Но сіяющая